

Рец. на кн.: MILENA BENOVSKA. *ORTHODOX REVIVALISM
IN RUSSIA: DRIVING FORCES AND MORAL QUESTS.*

L.: Routledge, 2020. 240 p.

Степан Тимофеевич Дроздов

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
sdrozdov@eu.spb.ru

Аннотация: Рецензия посвящена проблемным вопросам, с которыми сталкивается исследователь, изучающий православную религиозность на постсоветском пространстве. Сталкивается с ними и автор рецензируемой монографии Милена Беновска, попытавшаяся описать возрождение православной религиозности в постсоветской России как восходящий процесс, движимый активными прихожанами. Работа Беновской, основанная на материалах калужских православных приходов, организована как классическое исследование по антропологии религии: автор фокусируется на антропологии морали, политике памяти, конверсионных нарративах и религиозном национализме. Эти направления определяют структуру книги, состоящей из четырех глав, а во введении автор размышляет о своем месте в поле. В рецензии обсуждаются методологические проблемы полевого исследования постсоветской религиозности и предлагаются возможные пути решения.

Ключевые слова: антропология религии, религиозное возрождение, православие, викарная религия.

Благодарности: Рецензия выполнена в рамках гранта Российского научного фонда № 21-18-00508 <<https://rscf.ru/project/21-18-00508>>.

Для ссылок: Дроздов С. Рец. на кн.: Milena Benovska. *Orthodox Revivalism in Russia: Driving Forces and Moral Quests.* L.: Routledge, 2020. 240 p. // *Антропологический форум.* 2022. № 54. С. 236–248.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-54-236-248

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/054/drozdov.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2022, NO. 54

**A Review of MILENA BENOVSKA, *ORTHODOX REVIVALISM IN RUSSIA:
DRIVING FORCES AND MORAL QUESTS.***

London: Routledge, 2020, 240 pp.

Stepan Drozdov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
sdrozdov@eu.spb.ru

Abstract: The review discusses the problems and challenges faced by any researcher of Orthodox religiosity in the post-Soviet space. Milena Benovska, the author of the monograph under review, attempts—sometimes quite successfully—to portray Orthodox revivalism in post-Soviet Russia as a bottom-up process driven by the activism of parishes. This uneasy task has led the author to Kaluga, where she has gathered the main material for her study. The analytical framework of the study involves the anthropology of morality, the study of conversion narratives, the politics of memory, and reflections on religious nationalism. These directions determine the structure of the book, which consists of four chapters. In addition, the introduction provides some interesting reflections on the author's own place in the field. The review outlines the general problems the author has to deal with and suggests the promising ways to resolve a number of the raised questions and inconsistencies.

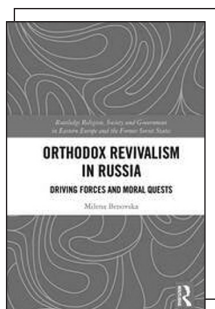
Keywords: anthropology of religion, religious revival, Orthodoxy, vicarious religion.

Acknowledgments: Supported by a grant from the Russian Science Foundation, project no. 21-18-00508, <<https://rscf.ru/en/project/21-18-00508>>.

To cite: Drozdov S., 'A Review of Milena Benovska, *Orthodox Revivalism in Russia: Driving Forces and Moral Quests.* London: Routledge, 2020, 240 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2022, no. 54, pp. 236–248.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-54-236-248

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/054/drozdov.pdf>

Рец. на кн.: **Milena Benovska. *Orthodox Revivalism in Russia: Driving Forces and Moral Quests***. L.: Routledge, 2020. 240 p.

Рецензия посвящена проблемным вопросам, с которыми сталкивается исследователь, изучающий православную религиозность на постсоветском пространстве. Сталкивается с ними и автор рецензируемой монографии Милена Беновска, попытавшаяся описать возрождение православной религиозности в постсоветской России как восходящий процесс, движимый активными прихожанами. Работа Беновской, основанная на материалах калужских православных приходов, организована как классическое исследование по антропологии религии: автор фокусируется на антропологии морали, политике памяти, конверсионных нарративах и религиозном национализме. Эти направления определяют структуру книги, состоящей из четырех глав, а во введении автор размышляет о своем месте в поле. В рецензии обсуждаются методологические проблемы полевого исследования постсоветской религиозности и предлагаются возможные пути решения.

Ключевые слова: антропология религии, религиозное возрождение, православие, викарная религия.

В последние десятилетия XX в. на территории позднесоветского и перестроенного СССР становилось не только «больше демократии — больше социализма» [Симон 2007: 46], но и действующих православных храмов [Митрохин 2007]. Государством и Церковью было положено начало процессу реституции церковного имущества, который и сегодня порождает в обществе активные споры. Государственный контроль над жизнью верующих постепенно смягчался [Сосновских 2014]. Первый построенный на территории советской России храм был освящен в 1988 г., а также РПЦ получила от государства официальное разрешение на празднование тысячелетия крещения Руси [Солнцев 2012]. Два упомянутых события можно считать формальными маркерами, ознаменовавшими начало процесса «возрождения» православия. Его участникам и механизмам и посвящена книга Милены Беновской “*Orthodox Revivalism in Russia: Driving Forces and Moral Quests*”, опубликованная в серии о связи религии, общества и государства на постсоветском пространстве издательства “Routledge”.

Степан Тимофеевич Дроздов
Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
sdrozdov@eu.spb.ru

Рецензируемая книга представляет собой попытку (до определенной степени весьма успешную) осмысления православного возрождения на территории постсоветской России как низового процесса. На основании полевых данных автор размышляет о месте православия в современном российском обществе, а также стремится ответить на ключевой для книги вопрос: является ли ревитализация православия «подлинной» или же «придуманной»? В результате Милена Беновска приходит к выводу, что, несмотря на поддержку государства, именно «малое стадо» верующих становится основным зачинщиком и двигателем этого «подлинного» процесса по всей постперестроечной России. В фокусе исследования оказываются также влияние православного монастырского благочестия на светскую мораль, православное краеведение и включение религии в государственную идеологию. В целом задача, которую ставит перед собой Беновска, выглядит титанической: описание религиозного возрождения на территории целой страны, а также выводы о его основных акторах и механизмах требуют долгосрочной полевой работы и полилокального среза жизни православных приходов, причем, вероятно, как новых (возникших после перестройки), так и действовавших в советское время. Вопросу о том, насколько автору удалось достичь столь амбициозных целей, и посвящена рецензия.

Идея книги возникла у Беновской во время работы в исследовательской группе «Религия и мораль в Европейской России» при Институте Макса Планка, в рамках которой многонациональная группа антропологов занималась изучением того, как формируются нравственные ориентиры и смыслы в контексте русского православия в постсоциалистическом российском обществе¹. Милена Беновска — профессор кафедры этнологии и балканистики Юго-Западного университета «Неофит Рильский» в Благоевграде. Помимо религиозных сообществ — православных в России и Эстонии, пятидесятников, нью-эйджеров, православных и мусульман в Болгарии, она занималась изучением болгарского фольклора, коррупции, клиентизма, дружбы и родства. Тем не менее многообразный исследовательский опыт не привел Беновскую к компаративным построениям: какое-либо сравнение калужских православных с другими хорошо ей знакомыми религиозными группами присутствует только в третьей главе.

Более существенным вопросом, как ни странно, оказывается религиозное самоопределение Беновской как православной

¹ См. страницу проекта на сайте Института Макса Планка: <https://www.eth.mpg.de/3541375/religion_and_morality_in_european_russia>.

христианки. Этот вопрос возникает не в рамках дискуссии о том, может ли антрополог религии быть религиозным человеком, и не в связи с пресловутой опасностью «слиться с местными» (*go native*), а в связи с рассуждением о выстраивании границ с информантами и в связи с автоэтнографической рефлексией о возможности собственного участия в изучаемых ритуальных практиках (Р. 22). Беновска идентифицирует себя как болгарскую православную, что приводит к двум интересным направлениям рассуждения: с одной стороны, принадлежность автора к православию заставляет калужских информантов Беновской говорить об исключительности собственного православия в связи с определенным недоверием к «нерусской православной». С другой стороны, религиозность автора обнажает проблему этичности участия исследователя в религиозных практиках. Помимо религиозности, свою роль во взаимодействии с информантами играло и болгарское происхождение исследовательницы, нагруженное и наследием тесной дружбы СССР и Болгарии в прошлом, и вступлением Болгарии в Евросоюз, которое как раз пришлось на время полевой работы автора (Р. 23–24). Эта часть введения крайне интересна как характерное проявление постсоветской реальности, в которой и информант, и антрополог в силу своего происхождения осмыслиют достаточно сходный опыт жизни в странах, которых больше нет на карте.

Полевая работа, на которой основана книга, проводилась автором в Калуге в 2006–2007 гг. и заняла в совокупности три месяца. Однако религиозное возрождение — процесс длительный, что подтверждается и хронологическими рамками исследования, определяемыми автором как постсоциализм и постсоветскость (в первом случае речь идет о пространстве бывших союзных республик, тогда как во втором случае автор обычно подразумевает время после перестройки). Таким образом, как цели исследования, так и его хронологические и географические рамки выглядят слишком широкими, ведь речь идет об обширной и неоднородной территории и процессах, растянувшихся на три десятилетия.

Калугу в качестве места проведения полевой работы Беновска выбирает неслучайно, с одной стороны, прагматично указывая на ее близость к Москве, позволившую не тратить ценное время полевой работы на долгую дорогу, с другой же — обосновывая свой выбор эссенциалистскими представлениями о Калуге как сердце «русской духовности», связанном с важными для истории православия монастырями Калужской области (Р. 12–13). В целом такое обоснование со ссылками на Гоголя, Толстого и Достоевского выглядит несколько странно, так как строится на представлениях самой Беновской о русской культуре и православии, а не на, скажем, разговорах с информантами

или каких-либо других данных. Автор, впрочем, оговаривается, что не рассматривает Калугу как типичный для России случай православного возрождения. Но, говоря о нетипичности города, Беновска не дает никаких указаний на то, как мог бы выглядеть типичный случай, вероятно потому что любой приведенный пример в той или иной степени будет специфическим.

Вопрос о специфичности собранного материала и возможности использовать его для обоснования выводов об истоках православного возрождения по всей стране касается и выбора информантов, так как местами полевой работы стали два прихода с достаточно схожими портретами как настоятелей, так и прихожан. Различия между ними заключаются во времени строительства и судьбе — Храм Покрова Пресвятой Богородицы на Рву (1687) был закрыт в советское время и открыт в годы перестройки, тогда как Храм святого мученика Иоанна Воина (2005) был построен уже в постсоветский период (Р. 15). Это различие тем не менее никак не проблематизируется автором. Рассказам своих информантов об истории двух церквей Беновска также не уделяет внимания, хотя обращение к этому материалу могло бы подтолкнуть исследовательницу к размышлению о разнице статусов храмов. Беновска разве что отмечает, что хотела найти приход, действовавший и при советской власти, но ей это не удалось (хотя в центре города находится действующий Свято-Георгиевский собор, выполнявший в советское время функции кафедрального).

Более того, даже сообщества прихожан этих двух храмов попадают в поле зрения исследовательницы не целиком: Беновскую интересуют только активные прихожане, входящие в «малое стадо» (Лк 12:32) «воцерковленных» и «прицерковный круг» (Р. 38–45). Именно усилиями этих людей, в представлении автора, возрождалось православие на постсоветском пространстве. Интервью с ними и составляют эмпирическую базу работы. К «прицерковному кругу» автор относит мирян, вся жизнь и работа которых связана с храмом: они работают в церковных лавках, убирают, ухаживают за церковным садом, делают мелкий ремонт, тогда как в категорию «воцерковленных» попадают постоянно практикующие верующие. По наблюдениям Беновской, среди них оказываются преимущественно представители «уважаемых в обществе» профессий, таких как учителя, инженеры, врачи, главы государственных предприятий и бизнесмены. Все они попадают в одну категорию, хотя кажется весьма спорным не обращать внимания на их положение в обществе, которое, вероятно, может влиять и на положение в общине и возможности участия в ее жизни. Эта разница, к сожалению, не рефлексирована автором. Концентрируясь на этих двух группах верующих, Беновска, тем не менее, упоминает и более широ-

кую группу, связанную с религиозным возрождением, — современных жителей России, формально идентифицирующих себя как православных (Р. 54), к которым, вероятно, стоит добавить феномен «захожане», что расширило бы спектр акторов, с которыми может быть связано возрождение православия [Тошева 2011]. Тем самым она сознательно оставляет за скобками исследования важную составляющую рассматриваемого ею процесса. Описание практик и логики таких людей могло бы убедить читателя, что возрождение православия действительно имело такое широкое влияние на всю страну, как пишет Беновска. Возможно, при описании того, как православие вновь стало квазигосударственной религией, проникающей во многие сферы общественной жизни, именно на этих людей стоило бы обратить больше внимания, не ограничиваясь активной частью православного сообщества, которые составляют меньшинство в современном православии [Кормина 2019: 47–48].

Такой подход к выбору информантов, с одной стороны, возвращает нас к уже упомянутой проблеме масштабных выводов о механизмах и причинах возрождения православия на весьма ограниченном материале, с другой же — приводит к определенной степени «гомогенизации» православия. На основании мнений тех прихожан из двух достаточно схожих приходов, для которых в жизни нет ничего или почти ничего, кроме церкви, автор делает вывод о ревитализации православия во всей стране, не указывая при этом на местную специфику его проявления. Интерпретация православного возрождения как единого явления, не обладающего локальной спецификой, выглядит сомнительной: о локальных практиках и народной религиозности сегодня написано чересчур много, чтобы говорить о православии вообще, иногда различающемся от одного прихода к другому и часто зависящем от характера настоятеля и состава сообщества (см., например: [Кормина, Панченко, Штырков 2006; Дубовка 2020]). Разница между приходами может проявляться, к примеру, в отношении к языку богослужения, в вопросах заимствования протестантских форм приходской жизни, а также в общей либерально- или консервативно-православной позиции настоятеля. Данная проблема могла бы быть легко решена путем сужения фокуса исследования до анализа нескольких локальных примеров православного возрождения, что не сделало бы книгу менее интересной для читателя.

Что касается хронологических рамок исследования, «постсоветскость» оказывается, с одной стороны, полезным инструментом для их определения, с другой же — становится в определенном смысле проклятием книги, ведь, для того чтобы рассуждать о «возрождении» православия после перестройки, необходимо констатировать его «смерть» в советское время. Для этого

автору приходится довольствоваться краткими указаниями на успешность советской антирелигиозной политики (Р. 31) и почти полностью игнорировать достаточно изученную тему подпольной религиозности при советской власти (см., например: [Панченко 1998; Чистяков 2006; Беглов 2008; Смолкин 2021]), лишь кратко упоминая, что «прицерковный круг» сложился именно в этих условиях (Р. 31–32). Таким образом, встраивая свои рассуждения в аналитическую рамку десекуляризации, Беновска исходит из общего отсутствия религии в жизни советского человека, на контрасте с чем и возникает описанное явление. Тем не менее вопрос о том, действительно ли советский мир был атеистическим, остается открытым. Вероятно, здесь автор следует за своими информантами, либо воспринимающими описанный период как время гонений и лишений, либо же предпочитающими не вспоминать о нем вовсе. Автор сама указывает на еще одну сложность, связанную с уже описанными выше: небольшая продолжительность полевой работы при достаточно длительном характере изучаемого процесса. Правда, Беновска считает необходимым упомянуть, что ее наблюдения могут претендовать лишь на описание одного эпизода в истории ревитализации религии в России (Р. 24). С ней сложно не согласиться, ведь православие 1990-х гг. сильно отличается от православия середины 2000-х, на которые выпала ее полевая работа.

Описанные вопросы, возникающие у читателя уже во введении, не находят ответа на протяжении всей книги. При этом структура исследования возражений не вызывает: книга выстроена достаточно логично и, можно даже сказать, беспроектно. Анализ религиозной морали, конверсионных нарративов, политики памяти и религиозного национализма позволяет автору показать разные аспекты религиозного возрождения, которым посвящены соответствующие четыре главы книги. В них Беновска стремится доказать свой тезис, что основным двигателем религиозного возрождения в России были активные прихожане православных храмов. Однако в полной мере ей это не удастся, как из-за слишком широких выводов, сделанных на материале двух приходо в одном городе, так и из-за исходной постановки вопроса о «подлинности» такого возрождения.

Первая глава посвящена «установочной» проблеме выделения уже упомянутого «малого стада» верующих в качестве основной силы религиозного возрождения в России. Автор обосновывает такой статус своих информантов через теорию «викарной религии» Грейс Дэви. Под викарной религией / викарностью Дэви понимает делегирование большинством своих религиозных нужд профессиональному меньшинству, которое, таким образом, «отвечает» за духовную жизнь людей, признающих их

авторитет в этой области, что позволяет первым продолжать вести не воцерковленную жизнь [Davie 2007]. Концепция Дэви применяется Беновской расширительно: так, к священнослужителям в качестве «делегатов» добавляется и воцерковленная часть религиозного сообщества, которую менее воцерковленные, но считающие себя верующими люди наделяют схожими функциями. Таким образом, «малое стадо» оказывается, с точки зрения автора, основой восстановления православия, обладающей при этом поддержкой православного большинства (Р. 39–40). Тем не менее, как уже было упомянуто, обсуждение социальной базы православного возрождения оказывается неполным без попытки описать мнение представителей этого самого «околоправославного» или формально православного большинства. Мои полевые наблюдения в Псковской и Новгородской областях частично подтверждают вывод Беновской о викарном характере массовой аффилиации наших соотечественников с православием. Однако, указывая на расширение базовой для теории Дэви группы ритуальных специалистов за счет общины, Беновская забывает об этих самых ритуальных специалистах. Автор игнорирует проблему формального религиозного авторитета: фетишизация антропологами народной или низовой религиозности, которая противопоставляется религиозности нормативной (остающейся уделом религиоведения), приводит к частому отсутствию интереса к анализу взглядов религиозных лидеров. В случае Беновской показательно, что она игнорирует приходских священников, которые зачастую и становятся центром общины [Кормина 2019: 30]. Подобная концентрация автора на низовых инициативах связана с гораздо более широким вопросом о том, кто же был архитектором возрождения православия в России.

Во второй главе обсуждается, как на постсоветском пространстве именно православие оказалось главной моральной силой, изобретая, а не возрождая из пепла новые традиции и практики. Вполне логичным и интересным представляется рассуждение Беновской о влиянии монастырской религиозности на мирскую среду посредством переноса в последнюю консервативных ценностей, таких как послушание и смирение (Р. 75). При этом, как отмечает в своей книге, посвященной сложному взаимодействию и взаимовлиянию светской и монастырской жизни, Дарья Дубовка, духовные ценности в современной монастырской среде зачастую тонко переплетаются с секулярными, что указывает скорее на проникновение светского в монастырское, а не монастырского в светское [Дубовка 2020: 72–77].

Тем не менее было бы интересно узнать, насколько эта ситуация обусловлена спецификой региона и близостью к Калуге нескольких важных монастырских центров (Оптина пустынь,

Тихонова Успенская пустынь), а насколько на эту повестку влияют консервативные политические ценности. Действительно ли упоминаемые автором новые калужские традиции, такие как парад невест, Национальный день семьи и возведение памятников святым в городской среде, исходят из практик и ценностей «малого стада», представители которого, как указывает сама Беновска, не проявляют к ним особого интереса (Р. 65–68)? Ответ, заключающийся в том, что возрождение православия — это восходящий процесс, пусть и получивший поддержку «сверху», исследовательница делает одним из основных выводов книги (Р. 69).

Тем не менее бинарный подход к этой проблеме накладывает серьезные ограничения на исследовательскую оптику, заставляя автора искать и находить движение «снизу», постоянно оговариваясь о поддержке властей в отношении низовых инициатив. Но в этом и заключается сложность описания столь комплексных и масштабных процессов, особенно в контексте целой страны. Выделение одного из акторов в качестве движущей силы процесса приводит к упрощению многогранной реальности до достаточно схематичных моделей “top-down” или “bottom-up”. Отказаться от таких моделей довольно сложно. Однако, возможно, сужение фокуса исследования смогло бы некоторым образом поспособствовать и этому, дав большую свободу при описании механизмов взаимодействия «малого стада» с властью церковной и мирской, а также того, как это взаимодействие отражается на жизни отдельных представителей всех участников процесса.

Конверсионным нарративам прицерковного круга посвящена третья глава книги. Автор отмечает, что в этих рассказах мораль оказывается переплетена с радикальной личностной трансформацией (Р. 93). Нарративы обращения Беновска справедливо сопоставляет с хорошо известной ей протестантской практикой свидетельств, отмечая, что личные истории в православной литургической жизни не имеют ритуальной функции (Р. 159). Тем не менее за функциональными различиями несколько теряется очевидное сходство протестантской и православной риторики, что мало рефлексировано автором. Анализ сходства мог бы дать толчок весьма интересному рассуждению об универсальных чертах жанра рассказов об обращении или о влиянии протестантизма на заново конструируемое современное православие. Кроме того, такие автобиографические повествования об обращении, в том числе о чудесах, оказываются важны Беновской для ответа на один из ключевых вопросов книги: является ли православное возрождение в современной России подлинным или надуманным? Эмоциональность рассказов об обращении, при описании которого информанты Беновской

говорят о сильном волнении или «блаженстве» или же о невыносимых физических или моральных страданиях, не оставляет у автора сомнений в подлинном характере низового православного возрождения (Р. 160). И хотя качество полевых наблюдений автора не оставляет сомнений в точности ее инструментария, подобная аргументация нуждается в дополнительных пояснениях, более широкой контекстуализации и сопоставлении со схожими практиками у протестантов. Кроме того, серьезные сомнения вызывает и сама постановка вопроса о подлинности религиозного опыта информантов, не принятая в антропологии. Речь, вероятно, идет о презентационных нарративах, однако в таком случае автору стоило бы использовать более точные формулировки, а также подробнее их прокомментировать. Впрочем, автор справедливо указывает, что невключение конверсионных нарративов в ход православного богослужения дает информантам больше свободы в выборе формы высказывания о своем приходе к Богу.

Другим очевидным отличием от протестантизма выступает культ святых, обретающий новых героев, чему посвящена четвертая глава книги. В ней автор описывает техники бриколажа, с помощью которых информанты строят большой исторический нарратив, отбирая для него определенные события и игнорируя другие (Р. 160–161). Канонизация новомучеников предстает низовой инициативой и оказывается, по мнению автора, в первую очередь религиозным, а не политическим актом. Особое внимание здесь Беновска уделяет так называемому церковному краеведению (Р. 135–141) и поклонению «особым мертвецам» — мученикам и героям — как двум специфическим для России формам политики памяти (Р. 141–155). Нарративы мученичества выступают риторическим средством позитивного переформулирования травматического опыта советского прошлого. Таким образом, православный проект конструирования социальной памяти интегрируется в более широкий общественный проект по формированию бесконфликтного исторического нарратива. В случае специфической формы краеведения мы действительно впервые в книге видим чистую низовую инициативу, которая влияет на нечто большее, чем жизнь отдельного прихода: изыскания краеведов приводят к канонизации местных святых и мучеников, а сюжеты об их открытиях получают широкую известность на местном уровне и вне православной среды. Тем не менее указание на включение православного проекта в общенациональный, будучи абсолютно справедливым, может быть объяснено и в логике выбранной автором модели (снизу вверх), и в обратной логике (сверху вниз, от властных указаний до имплементации их на низовом уровне).

К выводу о значительном участии государства в восстановлении православия приходит в заключении книги и сама Беновска, отмечая, что постсоветская российская православная религиозность характеризуется массовым восстановлением религиозных институтов и государственной поддержкой Русской православной церкви (Р. 157). В этом контексте логичен и вывод, что сегодняшнее состояние православия как квазигосударственной религии определяется значительным влиянием Русской православной церкви на политическую и социальную жизнь России, а также однозначной политической поддержкой церкви со стороны правящей элиты (Р. 158). Однако такой вывод соседствует с идеей об определяющей роли «малого стада» верующих в возрождении православного христианства в России как социального движения «снизу вверх» (Р. 158), пускай и с политической поддержкой со стороны правящей элиты, с чем можно согласиться лишь с оговорками.

В целом книга Милены Беновской представляет собой красочное исследование местного варианта процесса религиозного возрождения, демонстрирующее несомненное умение автора описывать и концептуализировать полевой материал. Однако остается неясным, зачем из прекрасной этнографии провинциального русского города автору необходимо делать столь «большие» выводы о процессе, захватившем всю страну и при этом, очевидно, обладающем региональной спецификой, на которую указывает и сама Беновска, рассказывая о больших монастырских центрах в этой области (Р. 13). В контексте сделанных наблюдений и описанных реалий эти обобщения не кажутся такими уж необходимыми. Идея автора о низовых истоках православного возрождения должна рассматриваться и рассматривается в работе в совокупности с участием в этом процессе мирских и духовных властей. Кроме того, описание истоков и причин возрождения представляется неполным без обсуждения взаимодействия православия с другими традициями, существующими на том же постсоветском религиозном пространстве.

Все вышесказанное не лишает работу ряда очевидных достоинств, к которым стоит отнести прекрасно проработанную теоретическую часть, а также антропологическое чутье автора, которое помогло ей заметить и понять многие необходимые для создания такой книги вещи: изменения в светской и приходской жизни в перестроечной и постперестроечной России, высокий уровень государственной поддержки православия и наделение его сегодня особым статусом, а также участие «малого стада» активных прихожан в возрождении массовой религиозности. Наконец, стоит еще раз подчеркнуть, что антропологам будет интересна рефлексия автором своего статуса в поле, как

по отношению к информантам, так и в соотношении с коллегами по проекту, в рамках которого проводилось исследование.

Благодарности

Рецензия выполнена в рамках гранта Российского научного фонда № 21-18-00508, <<https://rscf.ru/project/21-18-00508>>.

Библиография

- Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Изд. совет Русской православной церкви, 2008. 352 с.
- Дубовка Д.Г. В монастырь с миром: в поисках светских корней современной духовности. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. 207 с.
- Кормина Ж.В. Паломники: этнографические очерки православного нондизма. М.: ИД Высшей школы экономики, 2019. 349 с.
- Кормина Ж.В., Панченко А.А., Штырков С.А. (ред.). Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 304 с.
- Митрохин Н. Русская православная церковь в 1990 году // Новое литературное обозрение. 2007. № 1(83). С. 300–349.
- Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святые северо-запада России. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.
- Симон А.А. «Больше демократии — больше социализма»: язык журнальной публицистики периода перестройки // Политическая лингвистика. 2007. № 1(21). С. 46–49.
- Смолкин В. «Свято место пусто не бывает»: атеистическое воспитание в Советском Союзе, 1964–1968. М.: НЛО, 2021. 552 с.
- Солнцев Н.И. «Крещение Руси»: история юбилеев и мемориальная политика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 3(6). С. 36–41.
- Сосновских Е.Г. Трансформация государственно-конфессиональных отношений в 1985–1997 гг. (на материалах Челябинской области): Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т, 2014. 330 с.
- Тошева Д. От восстановления храма к созданию общины: самоограничение и материальные трудности как источники приходской идентичности // Агаджанян А., Русселе К. (ред.). Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности. М.: Весь Мир, 2011. С. 277–297.
- Чистяков П.Г. Почитание местных святынь в советское время: паломничество к источнику в Курской Коренной пустыни в 1940–1950-е гг. // Религиоведение. 2006. № 1. С. 38–50.
- Davie G. Vicarious Religion: A Methodological Challenge // Ammerman N. T. (ed.). Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 21–36.

Степан Дроздов

A Review of Milena Benovska, *Orthodox Revivalism in Russia: Driving Forces and Moral Quests*. London: Routledge, 2020, 240 pp.

Stepan Drozdov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
drozdov@eu.spb.ru

The review discusses the problems and challenges faced by any researcher of Orthodox religiosity in the post-Soviet space. Milena Benovska, the author of the monograph under review, attempts—sometimes quite successfully—to portray Orthodox revivalism in post-Soviet Russia as a bottom-up process driven by the activism of parishes. This uneasy task has led the author to Kaluga, where she has gathered the main material for her study. The analytical framework of the study involves the anthropology of morality, the study of conversion narratives, the politics of memory, and reflections on religious nationalism. These directions determine the structure of the book, which consists of four chapters. In addition, the introduction provides some interesting reflections on the author's own place in the field. The review outlines the general problems the author has to deal with and suggests the promising ways to resolve a number of the raised questions and inconsistencies.

Keywords: anthropology of religion, religious revival, Orthodoxy, vicarious religion.

Acknowledgements

Supported by a grant from the Russian Science Foundation, project no. 21-18-00508, <<https://rscf.ru/en/project/21-18-00508>>.

References

- Beglov A. L., *V poiskakh "bezgreshnykh katakomb"*. *Tserkovnoe podpolye v SSSR* [In Search of "Sinless Catacombs". The Church Underground in the USSR]. Moscow: Publishing Council of the Russian Orthodox Church, 2008, 352 pp. (In Russian).
- Chistyakov P. G., 'Pochitanie mestnykh svyatyn v sovetskoe vremya: palomnichestvo k istochniku v Kurskoy Korennoy pustyni v 1940–1950-e gg.' [Veneration of Local Shrines in Soviet Times: Pilgrimage to the Spring in the Kursk Root Hermitage in 1940–1950s], *Religiovedenie*, 2006, no. 1,

- pp. 38–50. (In Russian).
- Davie G., 'Vicarious Religion: A Methodological Challenge', Ammerman N. T. (ed.), *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives*. New York; Oxford: Oxford University Press, 2007, pp. 21–36.
- Dubovka D. G., *V monastyr s mirom: v poiskakh svetskikh korney sovremennoy dukhovnosti* [To the Monastery in Peace: Searching for Secular Origins of Contemporary Spirituality]. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2020, 207 pp. (In Russian).
- Kormina J. V., *Palomniki: etnograficheskie ocherki pravoslavnogo nomadizma* [Pilgrims: Ethnographic Sketches of the Orthodox Nomadism]. Moscow: HSE Publishing House, 2019, 349 pp. (In Russian).
- Kormina J. V., Panchenko A. A., Shtyrkov S. A. (ed.), *Sny Bogoroditsy. Issledovaniya po antropologii religii* [Dreams of the Virgin. Researches on the Anthropology of Religion]. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2006, 304 pp. (In Russian).
- Mitrokhin N., 'Russkaya pravoslavnaya tserkov v 1990 godu' [Russian Orthodox Church in 1990], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2007, no. 1(83), pp. 300–349. (In Russian).
- Panchenko A. A., *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviia. Derevenskie svyatyni severo-zapada Rossii* [Studies in the Field of Folk Orthodoxy. Village Sanctuaries of Northwest Russia]. St Petersburg: Aleteya, 1998, 305 pp. (In Russian).
- Simon A. A., "Bolshe demokratii — bolshe sotsializma": yazyk zhurnalnoy publitsistiki perioda perestroiki' ["More Democracy — More Socialism": The Language of Journalism during Perestroika], *Politicheskaya lingvistika*, 2007, no. 1(21), pp. 46–49. (In Russian).
- Smolkin V., *Svyato mesto pusto ne byvaet. Istoriya sovetskogo ateizma* [A Sacred Space Is Never Empty: A History of Soviet Atheism]. Moscow: NLO, 2021, 552 pp. (In Russian).
- Solntsev N. I., "Kreshchenie Rusi": istoriya yubileev i memorialnaya politika' ["Baptism of Russia": History of Anniversaries and Memorial Policy], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2012, no. 3(6), pp. 36–41. (In Russian).
- Sosnovskikh E. G., 'Transformatsiya gosudarstvenno-konfessionalnykh otnosheniy v 1985-1997 gg. (na materialakh Chelyabinskoy oblasti)' [Transformation of State-confessional Relations in 1985–1997 (on the Materials of the Chelyabinsk Region)]: Candidate's thesis. Chelyabinsk, 2014. 330 pp. (In Russian).
- Tosheva D., 'Ot vosstanovleniya khrama k sozdaniyu obshchiny: samoogranichenie i materialnye trudnosti kak istochniki prikhodskoy identichnosti' [From Church Restoration to Community-Building: Self-restriction and Material Hardships as Sources of Parish Identity], Aghajanian A., Rousselet K. (eds.), *Prikhod i obshchina v sovremennom pravoslavii: kornevaya sistema rossiyskoy religioznosti* [Parish and Community in Contemporary Orthodoxy: Root System of Russian Religiosity]. Moscow: Ves Mir, 2011, pp. 277–297. (In Russian).